

УДК 33

DOI: 10.34670/AR.2023.64.27.031

Ограничения эффективности применения наказания в форме лишения свободы: опыт России и Казахстана

Воронкова Евгения Олеговна

Старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии,
Алтайский государственный университет,
656049, Российская Федерация, Барнаул, просп. Ленина, 61;
e-mail: evgeniya-voronkova@mail.ru

Аннотация

В современной литературе наказание в виде лишения свободы рассматривается как доминирующее над всеми остальными и системообразующее, в том числе и для уголовно-исполнительной системы. Явление, обладающее богатой историей, стабильное и вместе с тем меняющееся вместе со временем, вызывает большой интерес в научном и профессиональном сообществе. Статья представляет собой анализ проблем института на примере Казахстана и России и раскрывает современное состояние, частоту назначения и проблемы исполнения данного вида наказания. Автор раскрывает проблемы ресоциализации лиц после отбывания наказания в виде лишения свободы на ограниченный срок, а также предлагает пути их решения. Работа представляет собой новый взгляд на современное положение этого вида наказания в уголовно-исполнительной системе двух стран и дает представление о социальных и правовых последствиях использования данного института. Приводится статистическая информация правоохранительных органов Российской Федерации и Республики Казахстан.

Для цитирования в научных исследованиях

Воронкова Е.О. Ограничения эффективности применения наказания в форме лишения свободы: опыт России и Казахстана // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 4А. С. 408-414. DOI: 10.34670/AR.2023.64.27.031

Ключевые слова

Лишение свободы, тюремное заключение, наказание, ресоциализация лиц после отбывания наказания.

Введение

Уголовно-исполнительное законодательство стран постсоветского пространства характеризуется, с одной стороны, схожей внутренней структурой, а с другой – аутентичным пониманием различных правовых институтов и явлений. Институт лишения свободы не является исключением. Появившись еще в XVI веке, он представлял собой инструмент борьбы с государственными преступлениями и способ изолировать преступников от общества. Современные требования к нему куда выше. Последние статистические данные, касающиеся его эффективности, исследования в области юридической психологии и криминологии и общественное мнение способствуют повышению интереса ученых в области его исследования.

Лишение свободы как вид наказания в той или иной степени стал предметом исследования таких ученых, как Г.А. Аванесов, Н.А. Беляев, А.В. Бриллиантов, В.Н. Брызгалов, А.И. Васильев, М.Г. Детков, Е.И. Каиржанов, И.В. Корзун, С.И. Кузьмин, А.С. Михлин, А.Е. Наташев, С.В. Познышев, А.Л. Ременсон, В.И. Селиверстов, А.Ф. Сизый, Н.А. Стручков, Ю.М. Ткачевский, Ю.К. Якимович и др. Однако в большинстве своем фундаментальные его исследования проводились в советский и ранний постсоветский период. Современная наука изучает иные виды наказания. С одной стороны, это связано с расширением их перечня и прогрессивностью системы видов наказаний, а с другой – с восприятием его большинством ученых как явления неэффективного или не отвечающего требованиям гуманизации законодательства, что отражается в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года.

Современное законодательство и тенденции его развития и модернизации во многом схожи, однако имеют и ряд существенных отличий, влияющих на порядок его исполнения и эффективность, а также социальную оценку.

Многогранный предмет исследования требует использования различных приемов и способов для его изучения. Современная преступность зачастую носит межгосударственный характер, понятие границ, в том числе и экономических, размыто. Перед учеными и правоприменителями как никогда остро стоит вопрос об изучении мер борьбы с ней на территории стран Евразийского пространства и использования опыта соседних стран для повышения эффективности доминирующего вида наказания – лишения свободы и порядка его исполнения.

Основное содержание

Степень исправления осужденного является оценочной категорией, не поддающейся жесткому определению и регламентации [Скаков, 2014]. Существующие в действующем законодательстве Республики Казахстан и Российской Федерации декларативные нормы, определяющие осужденных, не раскрывают, каким именно должен быть результат в части исправления осужденных. Сегодня не существует четких критериев исправления. Теория о том, что достижение целей исполнения и назначения наказания и является критерием эффективности, не вполне корректна, так как не охватывает вопросы ресоциализации и индивидуальных изменений самой личности заключенного. Можно говорить о том, что есть лишь основные направления, отмеченные в различных правовых актах, и мнение ученых, которые понимают этот процесс через призму парадигмы своей отрасли науки. Отсутствие четко определенных критериев в законодательстве затрудняет вопрос определения и

повышения эффективности исполнения наказания. Однако законодатели двух стран не прекращают попыток разрешить этот вопрос по средствам, например, повышения эффективности отбывания и исполнения наказания, для чего используют дифференциацию осужденных – расширение списка видов наказаний и создание новых видов исправительных учреждений.

Так, Уголовно-исполнительный кодекс Республики Казахстан (далее – УИК РК) содержит несколько видов таких учреждений, в которых исполняется наказание в виде лишения свободы: учреждения минимальной безопасности; учреждения средней безопасности; учреждения средней безопасности для содержания несовершеннолетних; учреждения максимальной безопасности; учреждения чрезвычайной безопасности; учреждения полной безопасности; учреждения смешанной безопасности. Сам перечень наказаний определен Уголовным кодексом РК и включает в себя штраф; исправительные работы; привлечение к общественным работам; арест; выдворение за пределы Республики Казахстан иностранца или лица без гражданства; ограничение свободы; лишение свободы; смертную казнь; конфискацию имущества; лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина, дипломатического ранга, квалификационного класса и государственных наград; лишение права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью; лишение гражданства Республики Казахстан; выдворение за пределы Республики Казахстан иностранца или лица без гражданства. Для сравнения, в Российской Федерации видами наказаний являются штраф; лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград; обязательные работы; исправительные работы; ограничение по военной службе; ограничение свободы; принудительные работы; арест; содержание в дисциплинарной воинской части; лишение свободы на определенный срок; пожизненное лишение свободы; смертная казнь

Виды исправительных учреждений, реализующих наказание в виде лишения свободы, в российском законодательстве определены в ст. 74 Уголовно-исполнительного кодекса РФ (далее – УИК РФ): исправительные колонии (колонии-поселения, исправительные колонии общего режима, исправительные колонии строгого режима, исправительные колонии особого режима); воспитательные колонии; тюрьмы; лечебные исправительные учреждения и следственные изоляторы, выполняющие функции исправительных учреждений.

И в том и другом случае дифференциация заключенных относительно достигнута в обеих странах, что позволяет сделать вывод о повышении эффективности исполнения наказания, однако об изменениях качества отбывания наказания говорят иные данные – статистика по рецидивам преступлений среди лиц, ранее уже отбывавших наказание в виде лишения свободы.

Так, по официальным данным МВД за 2020, их удельный вес от общего числа лиц, совершивших преступления, составил 25,9%, а от числа лиц, ранее совершавших преступления, – 87,3% [Общие сведения о состоянии преступности, [www](#)]. Ст. 59 УК Республики Казахстан лишь указывает, что суд при вынесении приговора должен учитывать число, характер и степень общественной опасности ранее совершенных преступлений, но не определяет границы наказания при рецидиве, как следствие, нет открытых статистических данных от правоохранительных органов этой республики.

По данным отчета Совета Европы за первый квартал 2020 года, в России на 100 000 человек приходится 356 лиц, отбывающих «абсолютное лишение свободы», что в 3,5 раза выше, чем в странах Западной Европы. Для сравнения, в Казахстане это показатель существенно ниже – 156 человек на 100 000 населения [Prison Populations, 2020, [www](#)].

Средний тюремный срок заключенных в Европе составляет около 8 месяцев. В России он в четыре раза выше, она занимает третье место по длительности сроков лишения свободы – в среднем 29 месяцев (почти 2,5 года), а более 80% осужденных в России были приговорены к реальному сроку лишения свободы более чем на 5 лет. Стоит отметить, что в целом численность заключенных с начала 2020 года к 15 апреля в России сократилась на 1,3%, аналогичная тенденция и в Республике Казахстан. Темпы снижения позволяют говорить об уменьшении нагрузки на уголовно-исполнительную систему данных стран, в частности на исправительные учреждения, исполняющие наказание в виде лишения свободы. Так как количество заключенных за последние десять лет уменьшилось примерно в два раза [Характеристика лиц, содержащихся в исправительных колониях для взрослых, [www](#)].

Отношение к институту лишения свободы среди правоприменителей и членов гражданского общества неоднозначное. С одной стороны, он обеспечивает изоляцию от общества, строгие ограничения для осужденного лица, большой контроль со стороны государства и внушительный перечень ограничений при отбывании такого наказания. С другой стороны, он порождает и ряд проблем: сложности при ресоциализации бывших заключенных и вопросы подготовки к освобождению, а также формирования позитивных навыков в процессе отбывания наказания.

Лишение свободы – это не только изоляция, но и целый комплекс мер, которые должны применяться к личности. В процессе отбывания наказания мы должны сформировать у лица уважение, понимание и поддержку интересов общества и изменить позицию социального и правого антагониста. Необходимо раскрыть образовательный потенциал лица для дальнейшей адаптации в обществе и исключить пагубное влияние «старого круга общения», что вызывает также ряд сложностей на уровне внутреннего принятия личности и желания развивать эти навыки, а также сложности при реализации с учетом отрядной системы и в целом коллективно наторенных исправительных учреждений. Как следствие – отсутствие индивидуального подхода в рамках отбывания наказания осужденным. Доступность и актуальность полученного образования вне стен исправительной колонии, мотивация лиц – все это влияет на конечный результат. Трудовые навыки и адаптация такого рода в рамках отбывания наказания в виде лишения свободы также являются краеугольным камнем данного института.

Рост беловоротничковой преступности требует пересмотра подхода к трудовым возможностям заключенных. Интеллектуальный и социальный потенциал таких лиц существенно выше, чем у тех, кто совершает, к примеру, насильственные преступления [White-collar criminality, [www](#)]. Уровень образования и социальной адаптированности существенно выше. Перед уголовно-исполнительной системой встает задача использовать это во благо общества и государства, что требует дополнительной дифференциации заключенных. Существующее деление заключенных не отвечает всем вызовам, исходящим от современной преступности. Так, например, встает вопрос о дополнительном выделении исправительных колоний для лиц, совершающих преступления в сфере фиктивной экономики, по аналогии с исправительными колониями для бывших работников правоохранительных и административных органов.

Не менее важной является работа в этих сферах после освобождения лица и подготовка социума. Адаптация таких лиц во многом зависит от готовности общества к принятию и осознанию желания бывшего заключенного вести просоциальную жизнь. Государство должно не только показать свою силу, но и обеспечить путь возвращения в социум.

Лишение свободы – это наиболее часто встречающийся вид наказания в России и Казахстане, да и в современном мире в целом. Будучи, с одной стороны, неоспоримым шагом

вперед в процессе гуманизации законодательства в XVI веке (как аналог каторжным работам и смертной казни), сегодня данный вид наказания требует доработки с целью повышения эффективности, а также ограничения использования ввиду изменившегося мира и появления новых видов преступлений, которые не всегда требуют изоляции лица от обществ, а иногда ее исполнение приводит к еще большим негативным последствиям, чем предотвращенное зло.

Увеличение форм и видов реализации лишения свободы, а также разумное применение этого вида наказания позволят более эффективно его реализовывать и достигать целей, поставленных уголовным и уголовно-исполнительным законодательством.

Вопрос о сокращении сроков пребывания в местах лишения свободы также является триггером в названных странах. Данные психологических исследований показывают, что у лиц, отбывающих наказание более пяти лет, преобладают гедонистические (72%) и негативные переживания (61%), а не раскаянье и вопросы последующего исправления собственного поведения [Рогач, 2014]. Это существенно снижает эффективность и долгосрочность результатов работы, проведенной с осужденными в процессе отбывания наказания.

Заключение

Подводя итог, стоит сказать об альтернативных формах. Так, арест, как институт «шоковой» и краткосрочной формы воздействия, представляется более подходящей мерой с учетом современной преступности на территории заявленных стран. Определенно нет необходимости в длительной изоляции лиц, чей потенциал можно использовать на благо общества, а не в преступных целях, и, как следствие, это требует расширения практики применения различных видов работ, а также расширение перечня, где мог бы использоваться их труд.

Не менее важным институтом для модернизации лишения свободы как уголовного наказания является развитие социального предпринимательства. Использование их в качестве инструмента для ресоциализации снимет нагрузку с государственного сектора и позволит создать более упорядоченную систему подготовки заключенных к самостоятельной жизни вне стен исправительного учреждения.

Библиография

1. Елагина А.С. Подходы к совершенствованию международного уголовного права // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 8. № 10А. С. 96-101.
2. Елагина А.С. Интерпретация трендов уровня преступности: нормальные и шоковые изменения // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 8. № 11А. С. 144-152.
3. Общие сведения о состоянии преступности. URL: <https://мвд.рф/upload/site1/import/f3884f4b79.pdf>.
4. Рогач В.Г. Психология переживаний у осужденных к длительным срокам лишения свободы на разных этапах отбывания наказания // Пенитенциарная наука. 2014. № 4 (28).
5. Скаков А.Б. Уголовно-исполнительный кодекс Казахстана: достижения и проблемы реализации // Уголовная юстиция. 2014. № 2 (4). С. 43-46.
6. Характеристика лиц, содержащихся в исправительных колониях для взрослых (2021). URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20lic%20sodergahixsya%20v%20IK>.
7. Prison Populations, 2020. URL: https://wp.unil.ch/space/files/2021/04/210330_FinalReport_SPACE_I_2020.pdf.
8. White-collar criminality // American sociological association. URL: [https://www.asanet.org/sites/default/files/savvy/images/asa/docs/pdf/1939%20Presidential%20Address%20\(Edwin%20Sutherland\).pdf](https://www.asanet.org/sites/default/files/savvy/images/asa/docs/pdf/1939%20Presidential%20Address%20(Edwin%20Sutherland).pdf).
9. Kuosmanen L. et al. Deprivation of liberty in psychiatric hospital care: the patient's perspective // Nursing Ethics. – 2007. – Т. 14. – №. 5. – С. 597-607.
10. Välimäki M., Taipale J., Kaltiala-Heino R. Deprivation of liberty in psychiatric treatment: a Finnish perspective // Nursing Ethics. – 2001. – Т. 8. – №. 6. – С. 522-532.

Limitations on the effectiveness of the application of punishment in the form of deprivation of liberty: the experience of Russia and Kazakhstan

Evgeniya O. Voronkova

Senior Lecturer of the Department of criminal law and criminology,
Altai State University,
656049, 61 Lenina ave., Barnaul, Russian Federation;
e-mail: evgeniya-voronkova@mail.ru

Abstract

In modern literature, the punishment in the form of imprisonment is considered as dominating and system-forming over all others, including for the penal system. The phenomenon, which has a rich history, is stable and at the same time, changing with time, arouses great interest in the scientific and professional community. The study is an analysis of the institute's problems on the example of Kazakhstan and Russia and reveals the current state, frequency of appointment and problems of execution of this type of punishment. The article reveals the problems of re-socialization of persons after serving a sentence of imprisonment for a limited period, as well as ways to solve them. The article presents a new look at the current situation of this type of punishment in the penal system of the two countries. The article gives an idea of the social and legal consequences of using this institution and provides statistical information of law enforcement agencies of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan.

For citation

Voronkova E.O. (2023) Ogranicheniya effektivnosti primeneniya nakazaniya v forme lisheniya svobody: opyt Rossii i Kazakhstana [Limitations on the effectiveness of the application of punishment in the form of deprivation of liberty: the experience of Russia and Kazakhstan]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (4A), pp. 408-414. DOI: 10.34670/AR.2023.64.27.031

Keywords

Deprivation of liberty, imprisonment, punishment, re-socialization of persons after serving a sentence of two countries.

References

1. Elagina A.S. (2018) Podkhody k sovershenstvovaniyu mezhdunarodnogo ugolovnogo prava [Approaches to the improvement of international criminal law]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 8 (10A), pp. 96-101.
2. Elagina A.S. (2018) Interpretatsiya trendov urovnya prestupnosti: normal'nye i shokovye izmeneniya [Interpretation of crime trends: normal and shock changes]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 8 (11A), pp. 144-152.
3. *Kharakteristika lits, sodержashchikhsya v ispravitel'nykh koloniyakh dlya vzroslykh (2021)* [Characteristics of persons held in correctional colonies for adults (2021)]. Available at: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Xarka%20lic%20sodergahixsya%20v%20IK> [Accessed 14/05/2023].
4. *Obshchie sveden'ya o sostoyanii prestupnosti* [General information about the state of crime] (2020). Available at: <https://mvd.rf/upload/site1/import/f3884f4b79.pdf> [Accessed 21/05/2023].
5. *Prison Populations*. Available at: https://wp.unil.ch/space/files/2021/04/210330_FinalReport_SPACE_I_2020.pdf

[Accessed 14/05/2023].

6. Rogach V.G. (2014) Psikhologiya perezhivaniy u osuzhdennykh k dlitel'nym srokam lisheniya svobody na raznykh etapakh otbytiya nakazaniya [Psychology of experiences of those sentenced to long terms of imprisonment at different stages of serving their sentence]. *Penitentsiarnaya nauka* [Penitentiary science], 4 (28).
7. Skakov A.B. (2014) Ugolovno-ispolnitel'nyi kodeks Kazakhstana: dostizheniya i problemy realizatsii [The Penal Code of Kazakhstan: achievements and problems of implementation]. *Ugolovnaya yustitsiya* [Criminal Justice], 2 (4), pp. 43-46.
8. White-collar criminality. *American sociological association*. Available at: [https://www.asanet.org/sites/default/files/savvy/images/asa/docs/pdf/1939%20Presidential%20Address%20\(Edwin%20Sutherland\).pdf](https://www.asanet.org/sites/default/files/savvy/images/asa/docs/pdf/1939%20Presidential%20Address%20(Edwin%20Sutherland).pdf) [Accessed 18/05/2023].
9. Kuosmanen, L., Hätönen, H., Malkavaara, H., Kylmä, J., & Välimäki, M. (2007). Deprivation of liberty in psychiatric hospital care: the patient's perspective. *Nursing Ethics*, 14(5), 597-607.
10. Välimäki, M., Taipale, J., & Kaltiala-Heino, R. (2001). Deprivation of liberty in psychiatric treatment: a Finnish perspective. *Nursing Ethics*, 8(6), 522-532.